

А. В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42:821.161.1-1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-45

ОТРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ИРОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме языковой личности, отраженной в художественном тексте. Выбран один аспект этой многогранной и большой проблемы – самоидентификация женщин, которая рассматривается сквозь призму иронической поэзии. В качестве материала для анализа выбраны однострочные стихотворения современных поэтов, прежде всего, Натальи Хозиновой. Предельная лапидарность этих художественных произведений обусловила их множественность, смысловую пестроту и установку на передачу дробной картины внутреннего мира современной женщины. Отталкиваясь от определения самоидентификации как признание тождества женщины с самой собой, которая выражается в языковой форме, автор рассмотрел четыре тематических группы одностиший, которые отражают важнейшие стороны бытия современной женщины: стихотворения, раскрывающие телесную сторону существования женщины; тексты, раскрывающие сексуальную сторону существования женщины; одностишия на тему партнерство / брак и на тему быта. В итоге делается вывод о том, что одностишия обладают диагностическим социокультурным потенциалом. Они раскрывают неблагоприятные бытия современной женщины, ее поневоле искаженной самоидентификации, но делают это с тонкой иронией, которая рождает смеховую реакцию читателя. Вместе с тем способность к самоиронии является свидетельством внутренней свободы женщин, их умения возвыситься над неблагоприятием современной действительности.

Ключевые слова: языковая личность, гендер, самоидентификация женщины, однострочные стихотворения, ироническая модальность

Однострочные стихотворения, моностихи или одностишия – явление отнюдь не новое для русской литературы и тем более для мировой. В русской литературе они бытуют со времен классицизма, а в европейской – со времен античности. В современности моностихи приобрели особую популярность, прежде всего, благодаря новым средствам массовой коммуникации. Особую роль в распространении одностиший играет Интернет. Он расширил не только читательскую аудиторию, но и писательскую. Помимо особенности своего бытования, интернет-

литература обладает рядом особенностей. Одна из заметных – иронический модус художественности при стремлении к максимальной лапидарности создаваемых текстов.

Ирония в духовно-интеллектуальной жизни современной России весьма распространена. Значимость ее за последнее время резко возросла не только в газетно-журнальном дискурсе, но и в повседневной речи. Ирония полифункциональна. Она вписывается в современный тренд относиться ко многим проблемам с недоверием, а то и с долей скепсиса. Ирония – одно из средств преодоления неблагополучия мира, его алогичности и неподвластности личности. Кроме того, ирония сокращает дистанцию между коммуникантами. Иронические одностишия интересны не только с художественной, но и с социокультурной точки зрения. Они позволяют раскрыть некоторые ситуации, в которых оказывается современная женщина, увидеть те роли, которые она себе присваивает, а точнее – мыслит допустимыми для себя. Конечно, иронические моностихи являются *кривым* зеркалом, то есть их нельзя прямо соотносить с реальностью. Но ведь и в комнате смеха, глядя в то или иное кривое зеркало, человек все-таки осознает, что оно утрирует не что-то находящееся вне его, а то, что есть в нем, хотя и не в таком гипертрофированном виде.

Предельная краткость одностиший позволяет пренебречь особенностями идиостилия того или иного автора. Поэтому только назовем некоторых из них: Наталья Хозяинова, автор цикла и книги с названием «Мины фемины», Ольга Арефьева, Ольга Дроздова, Марина Далимаева. Источниковедческой базой нам послужил сайт, специально посвященный данному стихотворному жанру [Одностишия. ру].

Современные философы и культурологи отмечают, что «изменение места и роли женщины в обществе сопряжено с фрагментарностью и противоречивостью ее существования, когда множественность сфер ее деятельности дестабилизирует ее некогда устойчивую идентичность. <...> Остроту вопросу о самоидентификации современной женщины придает возросшая дифференциация видов деятельности, источников знания о себе и своей социальной роли и изменившийся принцип социализации» [Ершова 2005: 3]. Множественность сфер деятельности

женщины обуславливает множественность ее социальных ролей. Самоидентификация отвечает на простой и вместе с тем сложный вопрос: «Кто я?». В современной философской литературе можно найти не одно определение этого понятия. Автор диссертационного исследования «Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером», определяет самоидентификацию следующим образом: это «есть установление и признание тождества с самой собой, выражающееся через Я как языковую форму, концентрирующей полноту индивидуального бытия» [Ершова 2005: 12]. Если перевести сказанное с философского языка на общеупотребительный, то самоидентификация может быть оформлена в виде выражения «я есть...». И далее следует прибавить все социально-профессиональные роли, про которые женщина может сказать утвердительно, что она в них выступает.

Смежным с понятием *самоидентификация* является термин *самоопределение*, понимаемое как «установление неких пределов своего "я"» [Кеидия 2012: 51]. В структуре самоопределения выделяют следующие основные элементы: 1. телесность; 2. сексуальность; 3. партнерство; 4. материнство; 5. профессионализм; 6. потребление [Мясникова 2014: 70]. Если соотнести их с тематическими группами одностиший, то можно заметить, что два элемента из этой структуры в них не представлены. Это профессионализм и материнство. В отсутствии темы материнства среди одностиший видится глубокий этический и даже сакральный смысл: все-таки мать и дитя – это абсолютные ценности, над которыми женщины предпочитают не иронизировать. В эпоху кризиса и девальвации множества ценностей, материнство женщинами не подвергается ревизии. У мужчин же и отцовство может быть окрашено в иронические тона. Вспомним известное стихотворение Владимира Вишневского – *Ты мне роди, а я перезвоню*. Названные элементы с необходимыми коррективами будут определять последующий анализ материала.

Еще одно предварительное замечание касается соотношения литературного жанра одностишия и речевых жанров. Одностишие мы трактуем как метажанр, в пространстве которого могут реализовываться такие речевые жанры, как реплика из диалога женщины с мужчиной, реплика из доверительного разговора под-

руг, реплика из внутренней речи женщины, самопризнание и т.д.

1. Стихотворения, раскрывающие телесную сторону существования женщины.

Одна из современных маний, распространенных среди женщин, – стремление соответствовать рекламируемым и открыто насаждаемым масс-медиа стандартам стройности. Происходит фетишизация стройности. Конечно, можно сказать, что это не главное в структуре личности. Однако особенностью последних десятилетий следует признать интерференцию центра и периферии в ценностной картине мира многих наших современниц. Одностишия отражают этот сдвиг в психологии и аксиологии массового человека.

Лишь изредка я привстаю с диеты. В основе стихотворения лежит обыгрывание прецедентного выражения *сидеть на диете*. Привстать можно со стула или кресла, тем самым абстрактное существительное выступает в значении предметного. В этом самопризнании отрывается вынужденный характер сидения женщиной на диете.

Помехи счастью – ты и лишний вес. Гипертрофированное значение телесных стандартов приводит к тому, что женщина не видит смысла жизни, если она не соответствует им. Ирония создается за счет неравнозначности двух главных причин неполноты женского счастья – партнер и лишний вес. Одностишие написано в жанре реплики, обращенной к мужчине.

Всё нестандартнее фигура год от года... Ключевое корневое слово – *стандарт* связано опять-таки с массовым сознанием, для которого травматично не совпадать с общепринятыми установками. Если можно так выразиться, то одностишие написано в жанре реплики со вздохом, который передается многоточием.

Другое стихотворение оформлено как фрагмент реплики из разговора, очевидно, подружек. У мужчин популярны фильмы ужасов, у женщин – разговоры в жанре «hoгog»: *...вдруг он ко мне подкрался с сантиметром!* Эмоциональная реакция ужаса возникает за счет ассоциативной связи с прецедентными устойчивыми выражениями *подкрался с ножом*, *подкрался с топором*, вообще с орудием убийства. Для женщины в роли смертельно опасного предмета выступает невинный сантиметр. Оче-

видно, что не только она – жертва манипулирования массовым сознанием, но и он, иначе бы не пытался узнать страшную женскую тайну. Образ фрагментарности реплики создается за счет инициального многоточия.

Вкус у меня прекрасный. Запах тоже. Ирония возникает за счет приема обманутого ожидания читателя. Стихотворение двухчастно. Языковая игра сосредоточена в рождающейся многозначности слова *вкус*. Выражение «вкус у меня прекрасный» реализует первичное значение слова *вкус* как эстетические предпочтения. Однако парцеллят *запах тоже* переводит уже прочитанное выражение в другой план. Происходит своеобразное удвоение смысла. К уже прочитанному и осознанному добавляется вторичное значение на основе реверсивного, возвратного перечтения и соответствующего ему переосмысления. Слово *вкус* реализуется теперь еще и в значении – *физиологическое ощущение*. Женщина своеобразно опредмечивается и становится чем-то съедобным, например, каким-нибудь фруктом. Смысловой эквивалент стихотворения можно примерно сформулировать так: такая женщина, что так бы и съел. В связи с этим вспомним фильм 1976 года с Натальей Гундаревой в главной роли, который назывался «Сладкая женщина».

Вторая *idea fix* женщин – победа над возрастом. Нежелание стареть поддерживается индустрией косметики, медицины, фармакологии, а также журналами, телевидением, Интернетом и т.д. Вполне сформировалось такое явление, как социальная геронтофобия. Страх старения внедряется в сознание общества, потому что на нем можно построить бизнес. Когда-то «война» с возрастом (преимущественно косметологическая) носила элитарный характер. Вспомним, например, Любовь Орлову и аплодисменты публики после фразы «Мне никогда не будет больше 39 лет, ни на один день» в спектакле «Милый лжец». Сейчас рекламируется не столько бег от инфаркта, сколько бег от возраста.

Идут года, мне все еще за тридцать... Иронический модус в приведенном одностишии создается за счет скрытого противопоставления выражения *идут года*, предполагающего временную длительность, и находящегося в оппозиции с ним *все еще*.

Года летят и на здоровье гадят. В основе стихотворения прием овеществления, опредмечивания метафоры, перевод пе-

реносного смысла в прямой и соответствующий ему обратный процесс: абстрактное существительное *здоровье* метафоризируется и приобретает значение предметного. В жанровой природе одностиший заложено стремление расширить контекст. Один из путей этого – подключение интертекстуальных связей. Интертекст в данном случае выступает как средство активизации культурно-исторического сознания читателя. Приведенное стихотворение являет собой иронический парафраз строки из известной песни: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят...»

2. Стихотворения, раскрывающие сексуальную сторону существования женщины.

В России вопрос сексуальности исторически осмыслялся, прежде всего, философами. Вспомним, например, Василия Розанова. Николай Бердяев в работе «Метафизика пола и любви» прямо писал: «...женский вопрос, который сейчас рассматривается в связи с социальным, и есть вопрос половой» [Бердяев]. Одностишия рассматривают вопрос пола в ироническом аспекте и, конечно, без претензии на философскую глубину. *Ко мне ввалился! Ночью! Без жены!* Героиня стихотворения выступает в ролевом облике целомудренной женщины, которая возмущена некорректным поведением мужчины. Хотя в подтексте просвечивают их истинные роли. Очевидно, что это любовница и ее женатый подвыпивший любовник. Отметим экспрессивный синтаксис, который проявляется не только в парцелляции, но и в расположении ключевых слов в климаксе.

Женщина, в соответствии с установившимися неписаными правилами, на этапе ухаживания за ней мужчины, должна оказывать сопротивление. Она – своего рода приз, который достается воину. Но современные «завоеватели» слабоваты, не такие, о каких мечтает женщина. *"Нахал" – совсем не значит "прекратите"!*

Следующее одностишие строится как отрывочная внутренняя речь, которая, как известно, отличается неполнотой, эллиптичностью и предикативностью. Л.С. Выготский прямо писал: «Предикативность – основная и единственная форма внутренней речи, которая состоит из одних сказуемых...» [Выготский 2014: 522]. Принадлежность текста к внутренней речи подчеркивается троекратным употреблением многоточия [Кубасов,

Михайлова 2014: 263-265]. Если же говорить об образной структуре стихотворения, то женщина здесь предстает как опытная хищница и тонкий стратег, оценивающий свое поведение: ...*как робок он... сопротивляться сложно...*

Вчера нам низко пасть так и не вышло... Выражение *низко пасть* обладает устойчивой отрицательной коннотацией. В данном случае оно выступает как эвфемизм сексуальных отношений, которых женщина хочет, но не может быть их инициатором. При этом она столь деликатна, что проблему связывает не с мужчиной, а с некоей фатальной предопределенностью неудачи.

О, не лежи так явно на постели... По форме стихотворение окликает знаменитое «О закрой свои бледные ноги» Валерия Брюсова. Используя выражение Ю.Н. Тынянова, можно сказать, что ирония возникает за счет использования «ритмико-интонационного макета» [Тынянов 1977: 289] precedentного стихотворения.

Принято считать, что у женщины память слабее, чем у мужчин. Недаром есть устойчивое выражение *девичья память*. Но и забывчивость может носить орудийный характер, если ею правильно пользоваться. Женщины могут и *девичью память* заставить служить себе. Вот примеры якобы невинных женских вопросов: *Забыла. Мы чего уединились? Простите, я забылась, мы женаты?* Это реплики, обращенные к мужчине.

3. Стихотворения, раскрывающие тему *партнерство – брак*.

Одна из главных проблем в третьей тематической группе – это отсутствие партнера. Уже не только смешным выглядит стихотворение – *Уж зла любовь, ну а козла всё нету...* Precedentное высказывание очевидно: *Любовь зла – полюбишь и козла*. Пословица отражает народное представление о фатальности любви, ее независимости от воли человека. В стихотворении же акцент сделан на другом. Злость обретает процессуальный характер: любовь из ожидаемо прекрасной превратилась в злую, испортилась, а мужчины как не было, так и нет. На периферии ассоциативного поля стихотворения находится отголосок известной фразы, которая оторвалась от первоисточника и стала бытовать как самостоятельное полуфольклорное одностишие: «Уж полночь близится, а Германа все нет».

Чтобы овладеть мужчиной, женщина прибегает не только к

намеренной забывчивости, но и к другим способам: *Он любит борщ... Воспользуемся этим.* Одностишие варьирует широко распространенное представление о том, что путь к сердцу женщины лежит через его желудок. Женщина ловит мужчину в свои сети, используя обаяние, шарм, чары, прозаический борщ. В конце концов, она может попытаться просто убедить партнера в нужном ей результате. *Не надо спорить: ты на мне женился!* Иногда важно просто правильно сформулировать вопрос: *На что ты намекал мне поцелуем?* Здесь тоже важен диалогизирующий фон. Он создается фраземой *тонкий намек на толстые обстоятельства.*

Ситуация, когда мужчина добивается женщины, а не наоборот, в женских одностишиях практически не встречается. В сказках есть архетипическая ситуация: чтобы добиться суженой, герой проходит ряд испытаний – снашивает не одну пару железных сапог, съедает такие же хлебы, а вот испытание для современного мужчины: *Я слышу, любишь, а носки стираешь?*

Естественно, что брак, заключенный не на небесах, а в условиях сурового российского быта, расставляет свои акценты. В следующем стихотворении ирония возникает за счет контаминации семейно-брачных отношений с внеположными им армейскими: *Я в браке добровольно. Муж – контрактник.*

Залучившая мужчину в сети женщина предстает как воительница. Мужчине от нее не вырваться: *Я в третьем браке. Муж – в последнем.* Вынужденная маскулинность становится приметой современной женщины. Зачастую оказывается, что устроить свою судьбу женщина может, лишь уведя уже женатого мужчину из семьи: *Ваш муж б/у... Выходит без гарантий...* Одностишие дано в жанре реплики из разговора двух женщин. Мужчина здесь опредмечен и рассматривается в плоскости товарно-денежных отношений.

В конце концов, обретя мужчину, женщина может прийти к радикальным выводам, причем противоположным по смыслу своим первоначальным усилиям: *Чрезмерное замужество опасно!* Прецедентное выражение легко опознается – *Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.* В основе одностишия лежит имплицитное овеществление абстрактного, уравнивание разнородных явлений. Пример сходного по смыслу

одностишия, написанного в жанре раскаяния, – *И мама, и Мин-здрав предупреждали...*

Первая задача современной женщины – залучить мужчину, ну, а со временем приходит трезвая оценка того, что пойманный не вполне оправдал связанные с ним ожидания: *Он в основном хорош, но слабоват в деталях.*

Когда-то Чехов написал в рассказе «Ниночка»: «Мужской логике никогда не совладать с женской». В какой-то мере когнитивные различия осознают и сами женщины. Без комментариев приведем ряд одностиший о специфической женской логике: *Да согласишься же наконец: я не упряма!!! Нет, я не против, только не согласна! Что ж, будь по-твоему: снег белый и холодный. Я требую: сейчас же, но не сразу!*

4. Четвертая группа одностиший, отражающая такую сторону самоидентификации, как профессия, практически не представлена. Причина этого видится в чрезвычайной пестроте трудовых занятий современных женщин, в трудности нахождения «общего знаменателя» в этом аспекте.

5. Тематическую группу потребление обозначим другим словом, способным объединить разнородное, – *быт*.

Первая бытовая проблема, знакомая и наиболее частотная, – нехватка денег. Она может выражена как прямо, так и косвенно. *Я всё прощу, но то, что ты бюджетник...* Здесь представлена иерархия ценностей замужней женщины и констатация факта, что бюджетник является контекстуальным синонимом слова *бедный*, выражения *мало зарабатывающий*. Деньги – источник ссор в семье. Из внутренней речи женщины: *...Пора мириться, завтра день зарплаты*. Приведем шедевр, в основу которого положены принципы соответствия и антитезы: *Как много лишних слов, как мало лишних денег!*

Следующее стихотворение создает затекстную ситуацию чтения женщиной дневниковой записи: *Назавтра у меня истерика и шопинг*. Важно, что истерика предшествует шопингу. Она не ситуативна, а запланирована, так как является средством манипулирования партнером для того, чтобы добиться своей цели.

Одна из распространенных женских жалоб общеизвестна – «нечего надеть». Бедность гардероба обыгрывается в стихотво-

рении: *Как много лет нам не в чем обниматься!*

И в заключение несколько стихотворений, которые передают ролевое поведение женщины на кухне. Если женщина хорошо готовит, то в этом случае нет места для иронии и самоиронии. Она возникает тогда, когда повариха из женщины никакая. *Сегодня плов без мяса. И без риса.* От плова остается только слово *плов*, продуктовые же атрибуты его отсутствуют. Парцеллят доводит высказывание до абсурда. Мужчина зачастую боится есть то, что приготовила неумелая повариха. На что может услышать: *Попробуй суп. Не бойся. Есть лекарство.* Героиня осознает, что приготовила нечто вроде отравы, но, не смущаясь этим, утешает мужчину тем, что есть противоядие. Тема яда и намерение отравить мужчину могут прозвучать и открыто: *Уж если жив, колись – не ел мой ужин?* Смеховая реакция здесь рождается за счет расхождения бытового повседневного разговора и его содержания, связанного с жизнью и смертью. Начав с того, чтобы всеми силами заманить мужчину в свои сети, женщина заканчивает тем, что готова отравить его. Тем самым она совершила восхождение от одного одиночества до замужества далее через быт, повседневные проблемы семейной жизни к другому одиночеству, выстраданному. Поэтому о событии убийственном, грозящем смертью, может говорить спокойно и буднично, ни от кого не таясь. Такой женщине мужчин не жалко: *Яд не тебе, но хочешь – угощайся!*

Таким образом, однишняя женщин-поэтесс обладают в определенной мере диагностическим социокультурным потенциалом, они раскрывают неблагополучие быта и бытия современной женщины, ее поневоле искаженной самоидентификации, но делают это не надрывно, а с усмешкой, с тонкой иронией, которая после смеха оставляет в сознании читателя едва заметный горький осадок. Вместе с тем способность к самоиронии является свидетельством внутренней свободы женщин, их умения возвыситься над неблагополучием современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/MetPol.php

Выготский Л. С. Мышление и речь. – М., 2014.

Ершова Н.М. Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером. – Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург.

бург, 2005.

Кеидия К.З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1(137).

Кубасов А.В., Михайлова О.А. Семантико-символический потенциал многогочия // Феномен незавершенного. – Екатеринбург, 2014.

Мясникова Л.А. Самоопределение женщины: пол-функция и пол-сущность // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 3 (131).

Одностишия.ru. Коллекция одностиший, двустыший и прочих стиший. Авторы. Режим доступа: <http://odnostishia.ru/avtoram#name1>

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

© Кубасов А.В., 2016